

ИГОРЬ БУЗОВСКИЙ,

член коллегии РУП “Белорусское телеграфное агентство”, Минск

Социальная напряженность и тревожность в контексте диагностики общественных конфликтов

Abstract

The article explores theoretical aspects of the social anxiety. Special attention is paid to social, psychological and sociopsychological factors conducive to the occurrence and development of this phenomenon, as well as its place and role in social processes.

Трансформация социальных стереотипов в государствах с переходной экономикой, относящихся к бывшему социалистическому лагерю, становится фактором изменения системы ценностей, переоценки традиционных социокультурных ориентаций и моделей поведения, будучи, в свою очередь, следствием состояния неопределенности и социальной дезинтеграции в обществе, поэтому в ходе решения политических, экономических и социальных задач переходного периода актуализируются такие понятия, как социальная тревожность, социальная напряженность, социальный конфликт.

Потребность общества в предупреждении неконтролируемых и необратимых процессов, способных приводить к социальным потрясениям, заставляет переосмыслить данные феномены, с тем чтобы выявить их изначальные формы, взаимосвязи и последовательность проявления.

Ни один социальный конфликт не возникает мгновенно. Эмоциональное напряжение, раздражение и злость обычно накапливаются в течение некоторого времени. Предконфликтная стадия — это период, в который конфликтующие стороны оценивают свои ресурсы, прежде чем решиться на агрессивные действия или отступить. Предконфликтная стадия характерна также формированием каждой из конфликтующих сторон стратегии или даже нескольких стратегий.

Управление социальными конфликтами, снижение их деструктивного потенциала предполагает поиск адекватных методик для диагностики и прогнозирования столкновений в обществе. Сложилось мнение, что в качестве основания для диагностики при анализе общественных процессов можно использовать феномен социальной напряженности. В свою очередь, обоснование процедурных форм такой диагностики требует тщательного методологического анализа взаимосвязи данного явления с явлениями конфликтов, а также специфики проявления этих феноменов в современных условиях.

Прежде всего следует отметить условия образования социальной напряженности. Она возникает, как правило, вследствие вынужденного взаимодействия социальных субъектов в неблагоприятных формах вплоть до конфликтных и в этом смысле может быть отнесена к конфликтным и постконфликтным феноменам, которые на уровне индивидов проявляются в негативных эмоциях. Напряженность может быть также следствием восприятия представителями социума новаций, когда отношение их к традиционным ценностным представлениям остается неопределенным. В этом случае на уровне индивида такая напряженность выражается скорее на нейтральном эмоциональном фоне в таких формах, как неприятие.

Исторически содержание понятия социальной напряженности рассматривалось в связи с такими явлениями, как социальная дезинтеграция, кризис солидарности, девиация (в стабильном обществе), аномия (в нестабильном обществе), утрата социальной идентичности, депривация и фрустрация, классовая борьба, межнациональные столкновения и, наконец, социальный кризис и сопряженная с ним опасность социальной катастрофы — полной утраты управляемости общественных процессов и институтов, распада прежних общественных связей и отношений.

В неявном виде о социальной напряженности писал уже Э.Дюркгейм при анализе процесса дезинтеграции как разрыва социальных связей, утраты ценностных ориентиров, нарастания социальной аномии (подробнее об этом см.: [1]).

Т.Парсонс, говоря о социальном действии в терминах нормы, подчеркивает, что когда нормативный элемент встречает сопротивление при реализации социального действия, это становится источником социальной напряженности и потенциального конфликта [2]. Данное положение имеет важное методологическое значение, поскольку речь идет не только о неразрывной связи явлений социальной напряженности и конфликта, но и о том, что социальная напряженность, предшествуя конфликту, при соответствующих условиях может перерасти в него.

Социальное напряжение, по Т.Парсонсу, характеризует тенденцию “к нарушению равновесия в балансе обмена между двумя или более компонентами системы” [2, с. 480]. Т.Парсонс связывает дезинтеграцию общественной системы с неясностью и неопределенностью статусов и соответствующих им ролевых предписаний, следствием чего и есть нечеткость оценок деятельности различных социальных субъектов, политических деятелей, государственных лиц, руководителей, чиновников и т. п. Источники возникновения и усиления социального напряжения в системе он усматривает и в определенных внутренних состояниях их реальных участников, которые “распределяются вдоль основных осей надежды и страха, оптимизма и воз-

буждения... в таких ситуациях будут возникать фантазии и утопические идеалы будущего состояния общества, идеализация прошлых состояний... Эти мотивационные компоненты оказываются общими симптомами возмущения в институционализации социальных структур” [2, с. 480].

Наблюдая за ростом общественного недовольства, можно отслеживать стадии социальной напряженности и делать прогноз уровней ее развития. Социально-экономические и политические условия для возникновения социальной напряженности, такие как снижение уровня жизни населения, тенденция роста и сохранения бедности; отсутствие для осязаемой части населения возможностей к улучшению условий жизни и т.п. Это сигнализирует о кризисном состоянии социальной системы, о нарушении баланса ее структур и функций, однако это не просто сигнал о кризисе дисбаланса. Не менее важно то, что в напряженности выражается определенное состояние духа индивидов и социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, негативное отношение к происходящему и к определенным субъектам социальных процессов [см.: 3; 4].

Под социальной напряженностью принято понимать скрытую форму недовольства социальных групп общественной ситуацией в стране, регионе, районе. О социальной напряженности говорят, когда в широких кругах населения распространяются настроения недовольства существующим положением дел в жизненно важных сферах общественной жизни; под влиянием таких настроений утрачивается доверие к политике властей и распространяются пессимистические оценки будущего, всевозможные слухи в обществе в целом и в отдельных его сегментах и возникает атмосфера агрессивного возбуждения. Социальная напряженность проявляется не только в общественных настроениях, но и в массовых действиях: в ажиотажном спросе, в вынужденной или добровольной миграции людей в другие регионы, в активизации деятельности общественно-политических движений, различных, порой экстремистских организаций в борьбе за власть и влияние в массах, в стихийных и организованных митингах, демонстрациях, забастовках и иных формах гражданского неповиновения [5].

Поскольку полностью удовлетворить, насытить человеческие потребности невозможно, то существует определенная “фоновая” неудовлетворенность — напряженность. П. Горновой полагает, что должен существовать порог социальной напряженности, выше которого она приобретает взрывоопасный характер, становится своеобразной “гремучей смесью”, способной взорваться при наличии соответствующих социальных “детонаторов”. Поэтому нарастание социальной напряженности надо обнаруживать как можно раньше, еще в латентной стадии, и средства обнаружения и измерения должны быть достаточно надежными [6].

Так называемая нормальная напряженность в любой сфере общественных отношений имеет свою меру (минимальный и максимальный уровни), в пределах которой каждая устоявшаяся форма социальных взаимосвязей гарантированы от нежелательных трансформаций. Выход социальной напряженности за такие пределы создает риск образования нежелательных процессов. Однако это не является достаточным условием для возникновения социальных конфликтов. Последние реализуются в том случае, когда интенсивность изменения социальной напряженности на любом из уровней

риска превышает некую величину, обусловленную мерой адаптивных и защитных реакций социального организма.

Нетрадиционный для той или иной сферы общественных отношений уровень социальной напряженности воспринимается социальными субъектами как новаторство, как фактор, снижающий вероятность прогнозирования дальнейшего хода развития событий. Но все новое, не имеющее однозначной оценки, предполагает определенную меру приспособления к нему и защиты от него социальных субъектов, обусловленную интенсивностью возрастания или снижения действия этого нового фактора.

Таким образом, социальная напряженность как основание прогноза возможных нежелательных конфликтных проявлений в обществе имеет значительные ограничения. Действительно, сама констатация того, что социальная напряженность в какой-либо сфере находится выше или ниже традиционно сложившейся нормы, позволяет говорить лишь об определенной вероятности возникновения неблагоприятных форм взаимодействия. Кроме того, достаточно длительное превышение традиционных уровней социальной напряженности, если интенсивность ее колебания не вызывает защитных реакций, приводит к смещению оптимальной меры социальной напряженности в данной сфере общественных отношений на новый уровень, и то, что являлось девиантностью, становится нормой. Чтобы прогнозировать оптимальные пределы отклонения от нормы социальной напряженности и эффективно регулировать социальные конфликты, необходимо прогнозирование интенсивности изменения самой социальной напряженности, что требует поиска адекватных индикаторов.

В основе процесса аккумуляирования потенциала социальной напряженности лежит неудовлетворенность, возникающая как результат несоответствия, рассогласования ценностей, интересов, потребностей различных социальных субъектов, что составляет первый шаг на пути осознания ими реального противоречия [7]. Это проявляется как страх, тревога в ожидании негативных событий, оцениваемых обществом как вероятные для нынешнего поколения или же для потомков.

Тревога перед неизвестным и необъясненным глубоко внедрена в человеческое сознание. Некоторые мыслители полагали, что это один из наиболее важных аспектов человеческого существования. Как писал Альбер Камю: "Человек сознателен ровно настолько, насколько не скрывает от себя своего страха" [8, с. 64]. Социальная тревожность может рассматриваться как отправная точка осознания обществом социальных противоречий. Превращение социальной тревожности в социальную напряженность связано с идентификацией лиц, групп, организационных структур в движении к намеченным целям. Взаимная идентификация участников событий способствует превращению объективно существующей конфликтной ситуации в ее субъективное отображение в форме переживания конфликта.

Можно утверждать, что социальная тревожность возникает в обществе в целом или в определенной территориальной общности, если смутное ощущение перерастает по мере развития событий в осознание того, что удовлетворение экономических, политических, социальных, национальных, культурных или каких-либо иных жизненно важных потребностей, интересов и прав людей находится под угрозой или даже становится невозможным.

Заметим, что состояния неудовлетворенности и беспокойства, сохраняющиеся в течение достаточно длительного времени, как правило, служат питательной почвой для возникновения и развития разного рода общественных движений. Анализируя лозунги, методы и программные заявления таких движений, можно установить, какие причины, в том числе подлинное или мнимое ущемление прав, вызвали эти силы к жизни. Тем самым можно сделать выводы и о факторах, влияющих на уровень и направленность динамики социальной тревожности как своеобразного индикатора “температуры” общественного организма. Такая тревожность — своего рода эмоциональная энергия, которая ищет выход.

В обществе всегда существует некая подсознательная массовая тревога, указывающая на источник возможной опасности (технологической катастрофы, крупномасштабного теракта, ядерной войны и т. п.). Социальная тревога проявляется по поводу ожидания различных международных кризисов, гражданских и межэтнических конфликтов, последствий глобализации мира и утраты национальной идентичности, геноцида, оккупации страны иностранной державой, захвата власти некоторой агрессивной группой, готовой предать национальные интересы, став проводником чужеродных влияний. Люди испытывают также тревогу перед угрозой диктатуры и массовых репрессий, они опасаются экономических кризисов, неурожая, стихийных бедствий, таких как наводнения, ураганы, засуха, вспышек эпидемий и т. п. Не исключена также тревожность в предвосхищении катастроф глобального характера, грозящих гибелью человечества в целом.

Социальная тревожность — феномен, в котором переплетены эмоциональный и когнитивный компоненты. Как специфический духовный феномен, она превращает массовые общности в субъекты социального действия. Снижение или рост социальной тревожности могут быть результатом и спонтанного, ситуативного изменения обстоятельств, и сознательного нагнетания обстановки. Социальная тревожность может существовать в латентной форме, проявляясь в переживании разрозненными индивидами политического, экономического, экологического и иного дискомфорта. По мере осознания источников, размеров и причин грозящей индивиду опасности и понимания того, что индивидуальные интересы можно защитить только коллективным действием, начинают формироваться социальные общности, объединенные на основе единства рациональных и эмоциональных оснований. Решающую роль при этом играют средства массовой информации, политические лидеры и организации, ставящие своей целью продуцирование определенных настроений и их использование в собственных целях.

Состояния тревожного ряда возникают и формируются на основе двух главных источников: 1) “из первых рук”, то есть исходя из собственного опыта и опыта ближайшего окружения; 2) “из вторых рук”, то есть под влиянием других людей, с которыми человек вступает в коммуникацию, а также культурных и социальных институтов, средств массовой информации и т.п. В древности источником первичной информации был актуальный опыт индивида и его рода, обычно нескольких десятков человек, которые находились в кровнородственных отношениях и знали друг друга непосредственно. Вторичная информация была связана с культурной памятью сообщества, выраженной в мифе. Поскольку в современных обществах отношения

родства, в частности семья, в сравнении с древностью претерпели разительные перемены не только по форме, но и по степени общности разделяемых ценностей и идей, то даже обычный конфликт поколений, проявляющийся в несовпадении и полярности убеждений, распространяется и на феномен тревожности. У разных поколений могут возникать совершенно не сходные тревоги. Кроме того, вторичную информацию современный индивид черпает из таких культурных и социальных институтов общества, как средства массовой информации, образовательные институты, искусство и литература, а также в процессе личной коммуникации, в особенности с так называемыми лидерами общественного мнения. Рост значимости вторичной информации, приобретающей всеохватывающий, планетарный характер, особенно там, где внедряются и входят в обиход компьютерные сети и многоканальное телевидение, изоциренность современных средств массовой информации в их возможностях влияния на ее потребителя становится фактором первостепенной важности в контексте изучения социальной тревожности в современных обществах.

Информация как “из первых рук”, так и “из вторых” имеет сильное воздействие на уровень тревожности в человеческом мышлении. Таким образом, и прошлое и настоящее задают “фокус” видения проблем, так как люди имеют тенденцию экстраполировать свой прошлый и текущий опыт на будущее.

Индивидуальная тревожность может быть разделена на личностную тревожность, когда индивид опасается чего-то или кого-то, чего или кого обычно другие люди не опасаются, и тревожность, разделяемую многими, — группой, обществом, человечеством в целом. В социальной тревожности находит выражение индивидуальная тревожность. Формируясь в процессе социальной и культурной коммуникации, социальная тревожность стереотипизируется и во многих случаях, особенно если это затрагивает индивидуальные интересы, подталкивает к активным действиям.

Культурные антропологи, изучавшие проблему явлений тревожного ряда, пришли к выводу о том, что культура, ее нормы и ценности являются определяющими в оценке опасностей [9]. Таким образом культура влияет на развитие тревожности, в частности как элемент массовой культуры.

Исключительно большое влияние на социально-психологическое состояние членов современного общества, на формирование общественного сознания и жизнь общества в целом оказывает деятельность СМИ. Это обусловлено тем, что информация, поступающая по каналам СМИ и многократно повторяемая, соответствующим образом стереотипизирована и несет в себе политические ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей. Средства массовой информации являются одним из самых серьезных механизмов влияния на общественные процессы тревожного ряда. Они становятся важным фактором воспитания, формирования мировоззрения больших масс людей, побуждения их к социальной активности. Поэтому, как считают исследователи, важной составляющей информационной политики должна стать психокоррекционная функция СМИ с учетом особенностей менталитета и социальных особенностей населения [см.: 10–13].

Сегодня СМИ используют определенные методы подготовки и реализации программ воздействия на общественное мнение, влияя на которое можно воздействовать на процессы формирования и изменения социальных норм,

традиций и тем самым на развитие социальной тревожности. Неразрывную взаимосвязь этих общественных явлений подчеркивает М. Горшков в работе “Российское общество в условиях трансформации”. Как показывает социально-историческая практика, социальные нормы формируются в процессе функционирования общественного мнения, обуславливаются его требованиями, поддерживаются за счет его переориентации и обновляются [подр. см.: 14].

Результаты воздействия СМИ на личность могут быть самыми различными. Они влияют на человека, воздействуя на информационные интересы, потребности, мотивацию, и, таким образом, оказывая существенное давление на мировоззрение, могут обуславливать проявления тревожности.

Говоря о роли средств массовой информации в процессе формирования социальной тревожности, необходимо иметь в виду, что, хотя распространяемая с их помощью информация адресована массам, воспринимается (принимается или отвергается) она конкретной личностью. Целостность личности в ее соотнесенности с целостностью и направленностью функционирующей в обществе культуры во многом определяет достижение целевых установок, на которые ориентирована деятельность средств массовой информации в обществе. В сообщениях, транслируемых с помощью СМИ, раскрывается символический мир, посредством которого культивируются определенные образцы, эталоны поведения, нормы морали, ориентирующие личность в том, что важно и существенно, что хорошо и плохо, что правильно и неправильно, что благородно и низменно. Поскольку социально-психологическая жизнь общества представляет собой сложно структурированную и многогранную систему, то эффективно влиять на процессы тревожного ряда и непосредственно на социальную тревожность можно только при системной организации деятельности всех средств информационного воздействия.

Вместе с тем можно констатировать, что в СМИ сегодня растет объем в разной степени достоверной информации о катастрофах — от вполне обоснованной до самой абсурдной. Тревога часто продуцируется и единичными ситуациями, когда динамика тревожности приобретает характер психического заражения, эпидемии стресса.

Психолог Д. Халперн и другие ученые, исследующие, каким образом люди определяют степень рискованности различных ситуаций, утверждают, что люди очень часто становятся жертвами распространенных предубеждений [15], переоценивая вероятность повторения событий, широко освещаемых СМИ. Происшествия, постоянно обсуждающиеся в газетах, популярных журналах, на радио и телевидении, заслоняют события, которые вытесняются на второй план, но могут быть объективно более опасными по своим последствиям. Кроме того, что люди склонны переоценивать частоту одних событий, происходящих на самом деле довольно редко, и недооценивать вероятность других — таких же по своему масштабу и происходящих даже более часто, но представляемых не столь пугающе.

Систематическое изучение социальной тревожности, в том числе эмпирическое, — крайне важная задача для социальных наук. Особенно актуально и полезно обеспечить наряду с измерением на регулярной основе показателей индивидуальных тревог, вызванных индивидуальными угрозами, вычисления “индекса социальной тревожности”. Оценка степени “общей тре-

возможности” в обществе наподобие измерения индексов “свободы”, “коррупции” и других, чья цель состоит в прояснении общей картины состояния общества, позволит получить “карту” распространенности социальной тревожности, включающую ее содержательные параметры. Без этого невозможно принятие адекватных управленческих решений на фоне объективно неизбежных на современном этапе общественного развития процессов возрастания социальной напряженности, чреватых возникновением социальных конфликтов.

Литература

1. *Карельская Л.П.* Дарендорф // Политическая социология. — Ростов-на-Дону, 1997.
2. *Parsons T.* The Structure of Social Action. — N.Y., 1937.
3. Социальная политика : Энциклопедия. — М., 2006.
4. *Рукавишников В.О.* Социальная напряженность // Диалог. — 1990. — № 8. — С. 12–21.
5. Социологические исследования. — 1992. — № 7. — С. 93–95.
6. Социальная политика : Энциклопедия — М., 2006.
7. *Куконков П.И.* Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. — М., 1995. — Вып. 9. — С. 9–10.
8. *Камю А.* Бунтующий человек. — М., 1990.
9. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. — Berkeley, 1982.
10. *Попов В.Д.* Информациология и информационная политика. — М., 2001.
11. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль : Тексты. — М., 1994.
12. Средства массовой информации: состояние и тенденции развития / Под ред. Т.П.Сухомлиновой. — М., 2001.
13. *Попов В.Д.* Глубинная психология народа и психокоррекционная функция информационной политики. — Иркутск, 2003.
14. *Гориков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). — М., 2000.
15. *Халтерн Д.* Психология критического мышления. — СПб., 2000.